

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2024.4.3

Философские основания русской модели терпимости

Я. В. БОНДАРЕВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОСВЕЩЕНИЯ,

С. Г. ИЛЬИНСКАЯ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

Соавторы данной статьи, один из которых имеет работы по русской религиозной философии, а другой — по категориальному осмыслению толерантности, объединили усилия для выявления философских оснований русской модели терпимости (имеющей глубокие религиозные корни и принципиальные отличия от западной толерантности) и рассмотрения исторического контекста их формирования. Исследование выполнено в рамках локально-цивилизационного подхода, с применением исторического и сравнительно-сопоставительного методов, а также образно-логического моделирования.

Выявленные отличия объясняются консубстанциональностью русской логики смысла, обусловленной спецификой православия и опытом преодоления исторических вызовов существованию русской цивилизации. Делается вывод о разумности русского типа рациональности, сохраняющего трансцендентное начало и опирающегося на единство веры и разума, в противовес западной рассудочности. Полученные результаты служат для понимания русской модели взаимодействия с другими народами, ее склонности к альтруистическим стратегиям, направленным на развитие, а не ограбление осваиваемых земель и включаемых этносов.

Основой группового характера включения в русскую модель были концепт соборности и склонность к холистическому типу мышления, что не исключало для инородцев использования индивидуалистических стратегий вертикальной социальной мобильности. Таким образом, исторический опыт русского государства-цивилизации по бесконфликтному сожительству и постепенной интеграции в единую цивилизацию лимитированных пространств намного опередил западные практики предоставления возможности реализации культурных прав и отстаивания коллективной идентичности. При этом он не имел рисков произвольного изобретения и манифестации идентичностей индивидуальных, поскольку был связан с онтологической составляющей картины мира. В работе делается вывод о необходимости сохранения исторически сложившихся способов коллективного взаимодействия как наиболее органичных и минимизирующих угрозы социальной стабильности.

Ключевые слова: Россия; Запад; соборность; народы; терпимость; толерантность; логика смысла; тип рациональности; православие; Иные

ВВЕДЕНИЕ

Философско-мировоззренческие основания той или иной коллективной модели поведения имеют большое значение для преломления картины мира в область практических решений и действий. Ключевой составляющей сакральной вертикали (или базисной иерархии ценностей) российской локальной цивилизации на протяжении большей части ее истории было православие, оказавшее определяющее влияние на характер расширения цивилизационного ареала, к которому термин «экспансия», в отличие от западной цивилизации, попросту неприменим.

Дискуссии о концепте государства-цивилизации в незападном мире более-менее прочно связывают этот термин с бывшими континентальными империями (Рубе, 1992; Kumar, 1993; Weiwei, 2012), тогда как западная модель нации-государства неразрывно связана с образованием империй колониальных. Майкл Уолцер в своем эссе «О терпимости» называл континентальную империю одним из самых толерантных режимов, в особенности по сравнению с национально-демократическим государством. При этом он приводил в пример Османскую империю с ее системой миллетов (Уолцер, 2000: 33), игнорируя гораздо более терпимое имперское образование — Российскую империю. Османы не препятствовали отправлению культов и сохранению традиционного образа жизни иноверцев, однако принятие ислама было обязательным условием политической или военной карьеры, а в XX в. при распаде империи и переориентации на модель национального государства всем представителям меньшинств в итоге пришлось стать турками. В России же инородцы и иноверцы на протяжении всей ее истории имели возможность достигать высоких социальных позиций, их численность неизменно приумножалась.

Авторы этой статьи исходят из того, что Россия — это локальная цивилизация, т. е. такая суперсистема, которая имеет тысячелетнюю культурную и государственную преемственность, включая редистрибутивную (а не рыночную) экономику. Отсутствие частной собственности в западном понимании объясняется тем, что в условиях сурового климата не существовало такого излишка, который можно было бы перераспределять с помощью рыночных механизмов, при этом существовали верховная условная и квазичастная формы собственности (Кирдина, 2014: 240). Этот фактор определяющим образом сказался на развитии соборного, а не индивидуалистического начала российского «культурно-исторического типа» (Данилевский, 2018), что обусловило развитие принципиально иной модели включения, во многом имеющей иррациональный характер, использующей далеко не прагматические стратегии (Ильинская, 2023).

ТИП РАЦИОНАЛЬНОСТИ
КАК ОСНОВА ДЛЯ ТЕРПИМОСТИ

Российской цивилизации свойственен консубстанциональный (поливариантный) характер логики мышления, имеющий одновременно контекстуальный и универсальный характер, образно определяемый как «единство множественности». Символ консубстанциональности — Пресвятая Троица, ее одновременные единственность и различие. При сравнении западного и российского типов мышления, лежащих в основе субстанциональной и консубстанциональной логики смысла соответственно, «западный тип можно определить как гносеологический и номиналистический, а российский — как онтологический и холистический» (Бондарева, Ильинская, 2024: 66).

Восточное православие было воспринято на Руси через призму уже существующей культуры благодаря переводу священных книг и ведения службы на родном языке. В некоторых случаях влияние культуры было весьма значительным: в частности Максим Грек, не знавший славянских языков, переводил с греческого на латинский, а русские толмачи вслед за ним — с латинского на русский (Флоровский, 1983: 23), что не могло не повлечь собственных интерпретаций, в то время как сохранение латыни как языка церкви у католиков обеспечивало дистанцию между мирянами и клиром, давало почву для произвольного изменения догматики под свои интересы, разработки схоластического инструментария для обоснования таких изменений. Тот же Максим Грек порицал западную схоластику, подчеркивая ее формальный и притворный характер: «...никакая догма в них крепка непшуется, ни человеческая, ни Божеская, аще не Аристотельские силлогисмы утверждают сию догму...» (цит. по: Флоровский, 1983: 23). «Непщевание», согласно церковно-славянскому словарю, есть «мнение, предлог, прикрытие», «непщевати вины о грехах» означает «выдумывать извинения грехам» (Полный церковно-славянский словарь, 2007: 349).

Самобытным русским философам (И. В. Киреевскому, А. С. Хомякову, В. С. Соловьеву, С. А. Франку и многим другим) было присуще цельное восприятие мира, осознание опасности сведения рациональности к «рассуждающему разуму», опирающемуся на логико-понятийный аппарат и воспринимающему мир как совокупность дискретных элементов, подлежащих аналитическому расчленению (Бондарева, Семаева, Моисейкина, 2018).

За счет синтетического характера русской культуры ее философия была растворена в богословии, иконописи и литературе. Так, согласно Г. В. Флоровскому, русская богословская мысль X–XVII вв. — не пролог к появлению отечественной философии, а ее полноценный период. Русскую икону евразиец князь Е. Н. Трубецкой назвал «умозрением в красках», являющим миру прообраз грядущего храмового (или соборного) человечества, а также «новую норму жизненных отношений», прямо противоположную любым формам социального дарвинизма (Трубецкой, 1965: 23–24), обретаемую через обряд евхаристии (причащения). В древнерусском языке вплоть до XV в. преобладали осязаемые, конкретные образы. Репрезентацией отвлеченных смыслов при этом служили вещи и действия с ними (например, чаша как символ судьбы). В ходе освоения метафизического христианского миропонимания «вещный символизм» стал способом соединения вещного с трансцендентным (Герасимова, Мильков, 2018: 106–107).

Русской литературе, как подчеркивал академик Д. С. Лихачев, уже более 1000 лет, она древнее, чем литература французского, английского, немецкого происхождения (Лихачев, 1987: 5). Первые 700 лет ее существования называют древнерусским периодом, хотя лишь 400 из них она развивалась как литература Древней Руси, т. е. государства, к 1380 г. растворившегося в Московской Руси и Литве¹. Христианство, принятое в 988 г., не смогло бы получить распространения без достаточно высокой культуры и развитой письменности, широкого хождения книг, необходимых для совершения богослужений.

Начиная с XVIII в. главными аутентичными философами становятся русские писатели, а в XX в. в осмысление особенностей российской цивилизационной истории огромный вклад внесли профессиональные филологи Д. С. Лихачев, М. М. Бахтин, В. В. Кожинов, В. А. Цымбурский, что было предопределено синтетическим характером русского языка.

Способность русского человека постигать иные культуры, иные миры, глубоко проникаясь ими, неразрывно связана с особым типом мышления. Католики, протестанты и православные практиковали принципиально различные модели взаимодействия с коренными народами при расширении цивилизационного пространства, базирующиеся на том, как в эсхатологии каждой из традиций видится спасение: коллективно, индивидуально или соборно (Ильинская, 2018).

«Германские дружины, образовавшие средневековый государственный слой, имели под собой целый чуждый им, ими завоеванный и порабощенный слой населения кельто-славянского» (Соловьев, 1988: 159). Тем не менее агрессивный грабительский импульс католической средневековой Европы (наряду с ее глобальной устремленностью), практиковавшийся начиная с крестовых походов, оставлял покоренным народам шанс на сохранение через воцерковление, которое гибко сочеталось с эксплуатацией и отторжением тех, кого не торопились воцерковлять (Баранов, 2024: 279). Тогда как доктрина предопределения, включенная в протестантизм, как и ряд ветхозаветных установок на «избранность» отдельных народов, проникнув в обновленную религию в ходе Реформации, существенно снизили эгалитарные возможности западного христианства. Иные коллективные субъекты рассматривались исключительно как объекты приложения силы, а имманентный расизм исторически был присущ многим гуманистически настроенным европейским мыслителям (Кожин, 2011: 46–47).

Знаковым событием превращения русского этноса в суперэтнос (что, по сути, является синонимом локальной цивилизации) стало окончательное утверждение собственной сакральной вертикали через низложение митрополита греческого происхождения Исидора, участника Ферраро-Флорентийского собора 1438–1439 гг., на котором была подписана уния западной и восточной христианских церквей, и последовавшее в 1441 г. избрание собором русских епископов в митрополиты рязанца Ионы (Гумилев, 2023: 233). Именно разночтения в вопросах веры предопределяли мировоззрение и поведение, включая способ включения Другого.

Одним из ключевых моментов в понимании принципа терпимости в российской истории является полемика иосифлян и нестяжателей в самом начале XVI в., которая обычно рассматривается лишь применительно к спорам о владении церковным имуществом. Говоря словами Г. Флоровского, это был случай, когда «сталкиваются две правды» (Флоровский, 1983: 18). Мировоззрение преп. Иосифа определялось идеей социального служения, сама монашеская жизнь для него была своего рода религиозно-земской службой, связанной с актами благотворительности и милосердия. Иосиф Волоцкий понимал, что «не будет сел... и сама вера поколеблется» (Никольский, 2004: 54), он отстаивал монастырские села как источник средств для того, чтобы превращать обитель «то в сиропитательницу, то в странноприимный дом», то в «божедомье». Что касается Нила Сорского и других заволжских старцев, то их опыт был органическим продолжением духовного и созерцательного движения, охватившего греческий и славянский мир в XIV в., восприятие которого на Руси связано с именем преп. Сергия Радонежского. Начав с «искания безмолвия и тишины», Нил Сорский пришел к культурному творчеству в виде умной и сердечной молитвы и борьбе с обмирщением церковной жизни. Разногласия между иосифлянством и заволжским движением Г. Флоровский сводит к такому противопоставлению: «завоевание мира на путях внешней работы в нем или преодоление мира через преображение и воспитание нового человека, через становление новой личности» (Флоровский,

1983: 22). Именно в связи с этой разницей и можно объяснить различное отношение к методам борьбы с негативными учениями, вызвавшими конфликты во всем христианском мире, а в Россию проникшими в конце XV в. под видом ереси жидовствующих. Нестяжатели категорически отрицали возможность умерщвления еретиков, ссылаясь на то, что нельзя насилловать совесть человеческую угрозой смерти: Бог хочет не смерти грешника, а его раскаяния, поэтому долг церкви — увещание заблудших. Иосифляне же считали возможным применение западноевропейских практик (вплоть до сожжения). Однако это был один из немногих эпизодов в российской истории такого рода, при этом репрессии коснулись лишь отдельных представителей высшей элиты внутри самого православия, бывших покровителями и проводниками распространения ереси. Что касается инородцев и иноверцев, то принцип добровольности в примыкании к православию применялся неукоснительно. Законодательное сохранение за ясачными автохтонами тех земель, на которых они жили при вхождении в Русское царство, закреплялось уже Соборным уложением 1649 г. (Павлинская, 2014: 54).

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ТЕРПИМОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

Для российской цивилизации характерным является подход, принципиально противоположный гегелевской диалектике раба и господина. Будучи обусловлен спецификой православия, этот подход имел предпосылки и в дохристианский период. В процессе расселения славян природно-исторические факторы способствовали формированию специфического типа личности и общества, которое уже на ранних этапах основывалось на протоимперских принципах. Примечательно, что у восточных славян был принят не кровнородственный, а территориально-соседский открытый тип общины. Открытость проявлялась, например, в том, что захваченному в плен чужестранцу (если за него не вносили выкуп) после трех лет «домашнего рабства» предлагалось вступить в общину на правах равного (Яхшиян, 2023: 32).

С самых ранних этапов существования российское государство расширялось таким образом, что за территориями, входившими в его состав, сохранялись прежние законы и установления, им предоставлялась более или менее широкая автономия, чем обеспечивалось сохранение обычаев, местной специфики, своеобразия правовой и религиозной систем и поэтапность, постепенное принятие общих норм и ценностей (Кутафин, 2008: 5–80). Так, например, в 1111–1120 гг. в ходе нескольких общерусских походов, инициированных Владимиром Мономахом, были приведены к покорности половцы, кочевавшие между Доном и Карпатами. Это племя вошло в состав Руси на началах автономии и, будучи некрещеным, стало именоваться «свои поганые» (от лат. *paganus* — язычник) (см.: Гумилев, 2023: 103). В противоположность им половцы, жившие за Доном — на Волге и Кубани, назывались «дикими». Позднее и те и другие вошли в состав татарского этноса².

Лев Гумилев, принадлежавший к евразийской парадигме в российской историографии, рассматривал период татаро-монгольского ига как этап, когда «Русь была не провинцией Монгольского улуса, а страной, союзной великому хану, выплачивавшей некоторый налог на содержание войска, которое ей самой было нужно» (там же: 167). В подтверждение данной точки зрения Гумилев приводил некоторые исторические факты: татарские отряды помогли отстоять Новгород и Псков от угрозы захвата немцами и датчанами в 1268 г., Смоленск — от угрозы захвата литовцами в 1274 г.

Умаление и преуменьшение тягот Батыева нашествия и последующей зависимости от Орды — самое слабое место в евразийстве второй волны (Л. Н. Гумилев, В. В. Кожин). В то же время нельзя не признать справедливость отдельных аргументов данного направления мысли: действительно, отказавшись во времена Александра Невского от унии с Западом и смирившись с зависимостью от кочевников, которую пока нельзя было преодолеть военным путем, русские княжества сохранили свою религиозную идентичность.

При этом евразийцы однозначно правы при определении специфики терпимости российского государства в опоре на два ключевых фактора — византийский и ордынский, поскольку, во-первых, воспринятая от евразийской и полиэтничной Византии православная вера была единственной связующей нитью для русских людей в период раздробленности Руси; во-вторых, Орда как второй системообразующий фактор формирования российского государства, в том числе побуждавший к объединению, тоже была евразийской и полиэтничной.

Одной из причин возвышения Москвы над другими русскими княжествами в ходе укрепления российской государственности и преодоления раздробленности Гумилев считал рост ее пассионарности, обусловленный принципами религиозной и этнической терпимости, заложенными союзническими с Ордой отношениями, возникшими при Александре Невском и развитыми его младшим сыном Даниилом, получившим Москву во княжение. При Иване Калите эти принципы в качестве ключевой установки строительства государства получили окончательное утверждение. «В отличие от Литвы, где предпочтение отдавалось католикам, в отличие от Орды, где после переворота Узбека стали преобладать мусульмане, в Москве подбор служилых людей осуществлялся исключительно по деловым качествам» (там же: 183): на службу принимались все гонимые, не желавшие поступаться своими религиозными убеждениями. В правление Калиты стараниями митрополита Алексея великое княжение стало наследственным правом Москвы. Ключевым событием становления Руси Московской стала победа 1380 г. под руководством Дмитрия Донского: «Суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах» (там же: 208).

Расширение российского государства и включение в него других народов происходило тремя различными путями: 1) добровольное принятие подданства русского царя ради защиты от агрессивных соседей (один из ярких примеров — Грузия); 2) мирное включение в состав государства в результате постепенного освоения евразийского пространства русскими первопроходцами; 3) вхождение после военных действий, обусловленных желанием русских властей обезопасить подвергающиеся набегам границы.

Рассмотрим некоторые исторические моменты, тесно связанные с ордынским наследием. «Улус Джучи» еще в XIII в. разделился на Золотую (на Волге), Белую (на Иртыше) и Синюю (сибирскую) Орду. В XIV в. при хане Узбеке происходит исламизация Золотой Орды³. В финале царствования его сына Джанибека случился переворот, в результате которого внук Узбека Бердибек становится отце- (и ради упрочения прав на престол) братоубийцей. За убийством Бердибека следует «Великая зяматня» — череда переворотов, когда самозванцы, выдававшие себя за спасшихся наследников, сменяли друг друга на престоле. В итоге ослабления власти в XV в. происходит распад Большой Орды на отдельные Сибирское, Крымское, Узбекское, Ка-

занское, Астраханское, Ногайское и Казахское ханства, которые затем постепенно были включены в общее российское государство.

Остановимся на некоторых этапах слияния этих частей с русским царством, из которых первым силовым эпизодом была война с Казанским ханством. К моменту ее начала в Казани было две партии: прорусская и протурецкая. Последняя, одержав верх, спровоцировала войну с Россией, в результате которой Казань в 1552 г. пала, а зависимые от нее поволжские народы вошли в состав российского государства. При этом дань, которую наложила на чувашей и черемисов Москва, оказалась гораздо милосерднее, нежели мусульманский гнет, экономика которого зиждилась на рабовладении и работорговле. После взятия Казани в землях ханства было освобождено от рабства огромное количество людей, в том числе около 100 тысяч русских пленных, которые «получили свою долю военной добычи и были отправлены домой» (там же: 261). Последовавшая затем капитуляция Астрахани в 1556 г. произошла без единого выстрела. Эти события вывели русских практически к границе влияния Персии, в результате чего большинство народов Поволжья и Северного Кавказа вошло в состав российского государства. Исключением стала Малая Ногайская Орда и Крымское ханство. Последнее вошло в сферу влияния Османской империи, осуществлявшей мусульманскую экспансию, долгие годы продолжало набеги на приграничные российские земли и было присоединено военным путем только в XVIII в.

В 70-х гг. XVI в. в Сибири столкнулись интересы русских промышленников и беспокоившего их хана Кучума, объединившего сибирские улусы после победы в междоусобной войне над ранее принявшим российское подданство Едигером. Борьба с последним сибирским ханом шла более 10 лет с переменным успехом, начиная от экспедиции Ермака 1581 г., и окончилась принятием Кучумом российского подданства. Всего за один век (до 80-х гг. XVII в.) русские землепроходцы освоили огромную территорию Сибири и Дальнего Востока, практически нигде не встречая сопротивления. Ойраты и казахи не приняли активного участия в борьбе Кучума с российскими войсками, народы северной Сибири почти не вступали в конфликт с русскими переселенцами. Такое отсутствие противодействия российской миграции со стороны коренного населения объясняется тем, что с установлением власти московского царя местным жителям не грозила ни насильственная христианизация, ни ломка привычного быта. Напротив, русские переселенцы учили языки малочисленных народов, перенимали местные обычаи и навыки. Сотрудничество с интегрируемыми народами приносило российскому государству немалую пользу. Так, к началу XVIII в. калмыки, будучи мастерами степной войны, практически остановили ногайские набеги, вынудив ногайцев перейти к обороне.

Отдельно нужно остановиться на проблеме западных русских земель, находившихся в первой трети XVII в. под властью Польши и Швеции. Те православные люди, которые волею судьбы оказались подданными Речи Посполитой, будучи лояльными к правительству, тем не менее подвергались притеснениям, принуждались к переходу в католичество. Жесткая система налогов приводила к полному бесправию не только русских крестьян (при формальном наличии личной свободы), но даже дворян. С конца XVI в. восстания русских происходят одно за другим, к середине XVII в. во главе недовольных становится Богдан Хмельницкий. Несмотря на первоначальные успехи, события развернулись так, что в 1651 г. Хмельницкий был вынужден обратиться за помощью к православной Москве. В 1653 г. принимается решение о присоединении Украины к Московскому царству. Это решение повлекло за собой длитель-

ные военные действия России не только против Польши, но и против Швеции. Начавшись при Алексее Михайловиче, они были завершены при Петре I в ходе Полтавского сражения (1709 г.).

Возвращение западных земель в состав российского государства сыграло значительную роль в расколе православной церкви, который фактически стал конфликтом великорусской и малороссийской православных традиций. Воспоминание о событиях Смуты остро поставило вопрос о реформе православной церкви, которая в критический момент не смогла выполнить свою роль духовного врачевателя. Образованные украинские монахи и священники (Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий и Феофан Прокопович), имевшие большой опыт диспутов с католиками, высоко ценились Московской патриархией. Именно Славинецкий сумел убедить Никона в необходимости исправления церковной службы и книг. При этом, в сущности, изменилась обрядовость, но не догматика, поскольку переориентация произошла от иерусалимского византийского устава, укоренившегося на Руси, к византийскому же студийскому или вселенскому, характерному для греков и сербов и распространенному среди малороссов. Тем не менее эта трансформация вызвала глубочайший раскол в российском обществе.

В то же время мы не можем сказать, что правительство жестоко преследовало раскольников. Напротив, после прохождения острой фазы конфликта российской политике было присуще постоянное стремление вернуть их в лоно государственности. В целом нельзя не признать, что в XV–XVIII вв. Россия зарекомендовала себя страной высочайшей степени религиозной и этнической терпимости, нередко дававшей пристанище европейским жертвам религиозных войн. Российские этносы совместно строили общую державу, имея для этого исторические основания (прежде всего ордынский фактор) и исходя из права каждой общности на определенный образ жизни. Теоретическое осмысление этой особенности осуществилось через концепт соборности, впервые подробно разработанный в полемических богословских работах А. С. Хомякова (Хомяков, 1994: 25–243) и получивший развитие в классическом евразийстве через утверждение соборности сознания (Трубецкой, 1994). Представители многих народов, глядя на проводимую политику, захотели «попасть под руку» русского царя, чтобы спокойно жить в соответствии с собственными обычаями и законами. Безусловно, имели место кровопролитные случаи вхождения, в первую очередь в Крым и на Северном Кавказе. Это было обусловлено особенностями экономики народов, населявших эти регионы, которая часто основывалась на набегах, а также подстрекательством со стороны Османской и Британской империй, использовавших лимитрофные образования в борьбе за сферы геополитического влияния.

Для этнических групп, включаемых в состав российской цивилизации, нередко создавалась письменность. Эта деятельность началась еще от Стефана Пермского, просветителя зырян XIV в., и завершилась созданием печатной культуры для кочевников Средней Азии уже в советскую эпоху. Интернационализм советского периода окончательно закрепил всечеловеческий характер русской культуры. Нахождение в общем цивилизационном пространстве позволяло мирно сосуществовать народам, имеющим «неразрешимые», в том числе религиозные и территориальные, конфликты. Выход из общего цивилизационного пространства привел к их немедленному обострению (Нагорный Карабах и многие другие эпизоды постсоветской истории).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понимание России как локальной цивилизации с тысячелетней преемственностью позволяет рассматривать ее историю не как череду разрывов и катастроф, а как череду возрождений в новой ипостаси с сохранением базисных принципов. Вот почему советская система одновременного утверждения наличия многочисленных народов и народностей, а также единого советского народа — это вариант соборности и всеединства, содержащих присущее российскому типу мышления единство органическое. Ибо относительно западной традиции можно сказать, что «под народом здесь разумеется простая сумма отдельных лиц, все единство которых заключается в случайном согласии желаний и интересов — согласии, которого может и не быть» (Соловьев, 1988: 162). Несмотря на использование в советский период марксистской терминологии, мы фактически имеем дело с очередным примером «двоеверия» (Никольский, 2004: 13) или продолжения традиции под маской новой реальности.

Сущность той модели включения Иного, которая исторически была присуща России, заключалась в том, что народы присоединялись вместе с территориями и образом жизни, который сохранялся, но не консервировался. Динамическое развитие и постепенная инкорпорация в тело империи при этом происходили настолько медленно, что не носили шокирующе-разрушительного характера. Укорененная исторически модель несколько не исключала индивидуалистических стратегий ускоренного продвижения по пути усвоения общих цивилизационных норм. Однако разницу в степени цивилизационной инкорпорации на примере сравнения менталитетов различных народов можно проследить очень четко, что напрямую связано с продолжительностью периода их нахождения в структуре российской государственности. Не случайно само понятие «менталитет» для западной социологии стало ненаучным, получив глубокое осмысление именно на российской почве, — оно не связано с западным типом рациональности и развивалось (помимо русской) только на немецкой философской почве, имеющей некоторые пересечения с отечественным типом философствования. Несмотря на доминирование либерально-универсалистского дискурса в 1990-е гг., в российской науке продолжали появляться работы по теоретическому осмыслению евразийской составляющей российского менталитета (см. напр.: Бутенко, Колесниченко, 1996).

Расширение российского государства всегда шло в логике собирания земель и обеспечения безопасности границ, имея при этом глубокие исторические корни. Трагедия постсоветского периода заключается в том, что на вооружение одновременно были взяты два западных концепта: «нации-государства» и либерального «слабого государства» (или государства в роли «ночного сторожа»). Эти концепты были применены к России, являющейся государством-цивилизацией с исторически «сильной» ролью политического центра. Принципиально несхожие практики, характерные для различных периодов развития разных стран Запада, были одномоментно перенесены на нашу почву, не принимая во внимание, что гражданское общество в Европе относительно эволюционно вызревало лишь в странах первой волны модернизации (Англия, Франция) на базе культурно близких этнических групп, а в странах второй волны модернизации (Германия, Италия и др.) оно формировалось благодаря активной государственной политике по унификации населения.

Современные миграционные казусы в нашей стране неразрывно связаны с непоследовательностью постсоветского мышления и насаждением чуждых практик в качестве универсальных рецептов. Непонимание сути российской истории и культуры,

ломка привычных схем инкорпорации в единое государство культурных и этнических групп, а также применение концептов, не имеющих отношения к российской истории и культуре, привели к тому, что на рубеже 1990-х гг. народы, уже интегрированные (в той или иной степени) в общее социальное пространство, заявили о своем праве на суверенное существование. В отсутствие традиции высокой государственности многим из них не удалось сформировать устойчивых политических систем. Центром притяжения для экономически неустроенного населения этих стран по-прежнему оставалась Россия, переезжая в которую, люди со временем брали на вооружение из западного лексикона демагогические спекуляции, не имеющие отношения к российской истории: о культурных правах, понимаемых настолько радикально, что подрывалось общее единство, о «коллективной вине» «русских колонизаторов» и т. п. Последовательное осмысление той модели терпимости, которая исторически была присуща нашему государству, позволяет твердо осознать, что право на сохранение культурных традиций неразрывно связано с вхождением в единое тело страны вместе с землями и ресурсами (и постепенной аккультурацией), а индивидуалистические стратегии неизбежно влекут за собой обязанность ускоренной ассимиляции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большинство в войске Ягайло, бывшего союзником Мамай, опоздавшего на один дневной переход к началу Куликовской битвы, составляли русские люди из-под Минска, Полоцка, Гродно и т. д.

² Половцы также повлияли на этногенез башкир, кипчаков, киргизов, узбеков, каракалпалков и других народов.

³ Белая Орда постепенно приняла мусульманство, а Синяя Орда совершенно не подверглась исламизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов, С. Д. (2024) Цивилизация Восточной Европы (цивилизация Оси). М. : Институт Наследия. 578 с.

Бондарева, Я. В., Ильинская, С. Г. (2024) Логика смысла российской цивилизации через призму русской философии // Современные философские исследования. №2. С. 64–75. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-64-75

Бондарева, Я. В., Семаева, И. И., Моисейкина, Т. А. (2018) Онтологические искания в русской религиозной философии XIX — первой половины XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Философские науки. №4. С. 49–58. DOI: 10.18384/2310-7227-2018-4-49-58

Бутенко, А. П., Колесниченко, Ю. В. (1996) Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. №5. С. 92–102.

Герасимова, И. А., Мильков, В. В. (2018) Рациональность в культуре // Идеи и Идеалы. №4 (38). Т. 2. С. 94–115.

Гумилев, Л. Н. (2023) От Руси до России. М. : Эксмо. 384 с.

Данилевский, Н. Я. (2018) Россия и Европа. М. : Алгоритм. 560 с.

Ильинская, С. Г. (2018) «Море» Россия (российская идентичность и идея толерантности) // Вестник РУДН. Серия Политология. Т. 20. №4. С. 496–505.

Ильинская, С. Г. (2023) Парадоксы толерантности и терпимости: западный и российский опыт // Свободная мысль. №3. С. 73–88.

Кирдина, С. Г. (2014) Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб. : Нестор-История. 468 с.

Кожин, В. В. (2011) От Византии до Орды: история Руси и русского слова. М. : Эксмо ; Алгоритм. 556 с.

- Кутафин, О. Е. (2008) Российская автономия. М. : Проспект. 768 с.
- Лихачев, Д. С. (1987) Избранные работы : в 3 т. Т. 2. Великое наследие; Смех в Древней Руси; Заметки о русском. Ленинград : Художественная литература. 496 с.
- Никольский, Н. М. (2004) История русской церкви. М. : АСТ. 604 с.
- Павлинская, А. Р. (2014) Особенности русской колонизации Сибири (XVII — начало XVIII в.) // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.). СПб. : МАЭ РАН. С. 3–67
- Полный церковно-славянский словарь (2007) М. : Отчий дом. 1122 с.
- Соловьев, В. С. (1988) Сочинения в 2 т. Т. 2. М. : Мысль. 824 с.
- Трубецкой, Е. Н. (1965) Три очерка о русской иконе. Paris : YMCA-Press. 168 с.
- Трубецкой, С. Н. (1994) О природе человеческого сознания. М. : Мысль. 494 с.
- Уолцер, М. (2000) О терпимости / пер. И. И. Мюрберг. М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. 160 с.
- Флоровский, прот. Георгий (1983) Пути русского богословия. Paris : YMCA-Press. 600 с.
- Хомяков, А. С. (1994) Сочинения в 2 т. Т. 2. Работы по богословию. М. : Медиум. 480 с.
- Яхшиян, О. Ю. (2023) Общинная традиция в доромановской России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Государственное и муниципальное управление. Т. 10. № 1. С. 29–37.
- Kumar, R. (1993) L'Inde: État-nation ou État-civilisation? // Hérodote: stratégies, géographies, idéologies. No. 10. Pp. 43–60.
- Pye, L. (1992) The Spirit of Chinese Politics. Harvard University Press. 264 p.
- Weiwei, Zh. (2012) The China Wave: The Rise of a Civilisational State. Singapore : World Century Publishing Corporation.

Дата поступления: 06.10.2024 г.

*THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS
OF THE RUSSIAN MODEL OF TOLERATION*

*YA. V. BONDAREVA
STATE UNIVERSITY OF EDUCATION,
S. G. ILINSKAYA
RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY*

The co-authors of this article, one of whom has authored works on Russian religious philosophy, and the other on the categorical understanding of tolerance, have joined forces to identify the philosophical foundations of the Russian model of toleration, which has deep religious roots and fundamental differences from Western tolerance, and to consider the historical context of their formation. The study was carried out within the framework of a local-civilizational approach, using historical and comparative-contrastive methods, as well as figurative-logical modeling.

The identified differences are explained by the consubstantiality of the Russian logic of meaning, conditioned by the specifics of Orthodoxy and the experience of overcoming historical challenges to the existence of Russian civilization. A conclusion is made about the reasonableness of the Russian type of rationality, preserving the transcendental principle and relying on the unity of faith and reason, as opposed to Western rationality. The results obtained serve to understand the Russian model of interaction with other peoples, its inclination towards altruistic strategies aimed at development, rather than robbery of the developed lands and included ethnic groups.

The basis of the group character of inclusion in the Russian model was the concept of conciliarity and a tendency towards a holistic type of thinking, which did not exclude the use of individualistic strategies of vertical social mobility for foreigners. Thus, the historical experience of the Russian state-civilization in conflict-free cohabitation and gradual integration into the common civilizational space of limitrophe spaces was far ahead of Western practices of providing the opportunity to realize cultural rights and defend collective identity. At the same time, while preserving

the ontological component of the picture of the world, it did not have the risks of arbitrary invention and manifestation of identities. The paper concludes that it is necessary to preserve historically established methods of collective interaction as the most organic and minimizing threats to social stability.

Keywords: Russia; West; conciliarity; peoples; toleration; tolerance; logic of meaning; type of rationality; orthodoxy; Others

REFERENCES

- Baranov, S. D. (2024) *Civilizaciya Vostochnoj Evropy (civilizaciya Osi)*. Moscow : Institut Natsionalnogo razvitiya. 578 p.
- Bondareva, Ya. V., Ilinskaya, S. G. (2024) Logika smysla rossijskoj civilizacii cherez prizmu russkoj filosofii. *Sovremennye filosofskie issledovaniya*, no. 2, pp. 64–75. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-64-75
- Bondareva, Ya. V., Semaeva, I. I., Moisejkina, T. A. (2018) Ontologicheskie iskaniya v russkoj religioznoj filosofii XIX — pervoj poloviny XX vekov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya Filosofskie nauki*, no. 4, pp. 49–58. DOI: 10.18384/2310-7227-2018-4-49-58
- Butenko, A. P., Kolesnichenko, Yu. V. (1996) Mentalitet rossiyan i evraziystvo: ix sushhnost' i obshchestvenno-politicheskij smysl. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 92–102.
- Danilevskij, N. Ya. (2018) *Rossiya i Evropa*. Moscow : Algoritm. 560 p.
- Florovskij, prot. Georgij. (1983) *Puti russkogo bogosloviya*. Paris: YMCA-Press. 600 p.
- Gerasimova, I. A., Mil'kov, V. V. (2018) Racional'nost' v kul'ture. *Idei i Idealy*, no. 4 (38), vol. 2, pp. 94–115.
- Gumilev, L. N. (2023) *Ot Rusi do Rossii*. Moscow : Eksmo. 384 p.
- Ilinskaya, S. G. (2018) «More» Rossiya (rossijskaya identichnost' i ideya tolerantnosti). *Vestnik RUDN. Seriya Politologiya*, vol. 20, no. 4, pp. 496–505.
- Ilinskaya, S. G. (2023) Paradoksy tolerantnosti i terpimosti: zapadnyj i rossijskij opyt. *Svobodnaya mysl'*, no. 3, pp. 73–88.
- Khomyakov, A. S. (1994) *Sochineniya in 2 vols*. Vol. 2. Raboty po bogosloviyu. Moscow : Medium. 480 p.
- Kirdina, S. G. (2014) *Institucional'nye matricy i razvitie Rossii: vvedenie v X-Y-teoriyu*. Saint Petersburg : Nestor-Istoriya. 468 p.
- Kozhinov, V. V. (2011) *Ot Vizantii do Ordyy: istoriya Rusi i russkogo slova*. Moscow : Eksmo ; Algoritm. 556 p.
- Kumar, R. (1993) L'Inde: État-nation ou État-civilisation? *Hérodote: stratégies, géographies, ideologies*, no. 10, pp. 43–60.
- Kutafin, O. E. (2008) *Rossijskaya avtonomiya*. Moscow : Prospekt. 768 p.
- Lihachov, D. S. (1987) *Izbrannye raboty*: in 3 vols. Vol. 2. Velikoe nasledie; Smex v Drevnej Rusi; Zametki o russkom. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura. 496 p.
- Nikolskij, N. M. (2004) *Istoriya russkoj cerkvi*. Moscow : AST. 604 p.
- Pavlinkskaya, L. R. (2014) Osobennosti russkoj kolonizacii Sibiri (XVII — nachalo XVIII v.) In: *Sibir' v kontekste russkoj modeli kolonizacii (XVII — nachalo XX v.)*. Saint Petersburg : MAE RAN. Pp. 3–67.
- Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar'* (2007) Moscow : Otchij dom. 1122 p.
- Pye, L. (1992) *The Spirit of Chinese Politics*. Harvard University Press. 264 p.
- Solovyov, V. S. (1988) *Sochineniya in 2 vols*. Vol. 2. Moscow : Mysl'. 824 p.
- Trubeczkoy, E. N. (1965) *Tri ocherka o russkoj ikone*. Paris : YMCA-Press. 168 p.
- Trubeczkoy, S. N. (1994) *O prirode chelovecheskogo soznaniya*. Moscow : Medium. 494 p.
- Walzer, M. (2000) *On Toleration* / transl. by I. I. Myurberg. Moscow : Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi. 160 p.
- Weiwei, Zh. (2012) *The China Wave: The Rise of a Civilisational State*. Singapore: World Century Publishing Corporation.

Yahshiyani, O. Yu. (2023) Obshhinnaya tradiciya v doromanovskoj Rossii. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie*. Vol. 10, no. 1, pp. 29–37.

Submission date: 06.10.2024.

Бондарева Яна Васильевна — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Государственного университета просвещения. Адрес: 105005, Российская Федерация, г. Москва, ул. Радио, 10А. Тел.: +7 (495) 780-09-43. Эл. адрес: bondareva.iana@yandex.ru

Ильинская Светлана Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора философских проблем политики Института философии РАН. Адрес: 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, 12. стр. 1. Тел.: (495) 697-91-89. Эл. адрес: svetlana_ilinska@mail.ru

Bondareva Yana Vasilyevna, Doctor of Philosophy, Professor, Head, Department of Philosophy, State University of Education. Postal address: 10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005. Tel.: +7 (495) 780-09-43. E-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Ilinskaya Svetlana Gennadyevna., Doctor of Political Science, Head, Sector of Philosophical Problems in Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: (495) 697-91-89. E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2024.4.4

Историческое просвещение как форма ментальной обороны в мировой гибридной войне

М. А. САВУШКИНА

МИХАЙЛОВСКАЯ ВОЕННАЯ АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ, Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В статье поднимается проблема формирования системы ментальной безопасности государства в эпоху мировой гибридной войны. Война и мир рассматриваются автором как транспарентные, постоянно переходящие друг в друга благодаря масштабам коммуникации и техническому прогрессу, формы бытия цифрового общества, в котором цифровой индивид в повседневной жизни и на линии боевого соприкосновения находится в непрерывном взаимодействии с многочисленными цифровыми актантами (цифровыми устройствами с мобильным интернетом). Обоснована необходимость участия государства в процессе исторического просвещения в цифровой культуре с целью формирования национального и исторического самосознания в ответ на агрессивные попытки Запада фальсифицировать российскую историю и использовать исторические знания как информационное оружие.

Актуализируются проблемы, связанные с практической реализацией мероприятий исторического просвещения в цифровом обществе. Описываются формы народной цифровой коммеморации (социокультурный процесс сохранения исторической памяти в цифровой культуре) подвигов героев специальной военной операции, ставятся вопросы о возможности обновления академических представлений о корпусе исторических источников при анализе современных исторических событий.